жены» элемент державинской образности. А вот Душенькой ее не называл никто, даже сам создатель одноименной поэмы. Несмотря на обилие комплиментов Екатерине, рассыпанных в поэме Богдановича, несмотря на черты сходства с нею самой Душеньки, так назвать императрицу можно было лишь с известной долей иронии, пронизывающей все произведение Пушкина.

К отброшенным вариантам относится и наименование Пушкиным Екатерины Любовью. На наш взгляд, здесь поэт вновь использовал образ из арсенала Державина, а именно из высоко ценимого Пушкиным стихотворения «Водопад» (1791–1794). Вот как Державин изобразил в нем скорбящую о Потемкине Екатерину: «Под древом, при заре вечерней, / Задумчиво Любовь сидит, / От цитры ветерок весенний / Ее повсюду голос мчит».[14]

В пушкинских черновых стихах «Прозвать. . . Любовью душенькой Кип<ридой> <?> (II, 869) поражает удивительно удачный подбор поэтических имен Екатерины. За ними угадывается образ не только государыни-матушки, любящей своих детей, но и красивой, привлекательной женщины. Однако есть здесь и элемент двусмысленности, поскольку этими образами Пушкин пытался ввести уже во вторую строфу тему «развратной государыни», ясно очерченную написанными ранее строками «Старушка милая жила / Приятно и немного блудно».

В черновых вариантах, прочтенных Измайловым и Томашевским, наименование Екатерины Кипридой можно увидеть и в другом фрагменте:

Мы Прагой ей одолжены
И просвещеньем и Тавридой
< >
Царевной душенькой <Кипридой> (II, 869).

Слово «Киприда» здесь не написано, однако текстологи были настолько уверены в своей догадке, что даже не сопроводили свою конъектуру вопросительным знаком. Почему? Во-первых, им была ясна рифма к слову «Тавридой»: это созвучие напрашивалось само собой, и Пушкин, как это часто у него бывало, не стал его записывать. Во-вторых, смысл всего фрагмента указывал на то, что недописанное поэтом слово должно было назвать какое-то произведение, яркое в художественном отношении и вполне узнаваемое (так «царевна» указывала на оды Державина, Душенька — на поэму Богдановича»). «Киприда» же указывала на единственное в истории русской поэзии произведение, где русская императрица была названа именно так,— на уже упоминавшиеся нами

[14] *Державин Г. Р.* Сочинения. Т. 2. С. 328.